

A movie poster for the film 'Magissa'. In the center, a woman with long, dark, wavy hair is shown from the waist up, wearing a dark blue or black backless top. She is looking over her shoulder towards the camera with a slight smile. Behind her stand three men dressed as miners, wearing hard hats with glowing headlamps and dark, worn-out shirts. The background is a dark, textured blue with faint, swirling patterns. The overall tone is dramatic and cinematic.

МАГИССА

СПОРТСМЕНКА
для
3 ШАХТЕРОВ

Магисса - Спортсменка для Трех Шахтёров

<https://litres.ru/74350704>

Аннотация

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО!! Первые 3 дня мини бесплатно!
Подпишись, чтобы не пропустить новинки! ♥#

Я не знала, что ответить. Я посмотрела на Игната, на Тимура. Да, я испытывала к ним чувства. Сильные, противоречивые, но настоящие. Это была не любовь в том понимании, в каком я любила Захара. Но это было... что-то. Что-то важное.

И тут произошло то, чего я никак не могла ожидать. Игнат подошел к нам, его лицо было бледным, но решительным.

«Знаешь, Захар», – сказал он, глядя на меня, а потом на него. – «Может, она и права. Может, мы все виноваты. Мы все хотели ее. И мы все ее получили. Так почему бы нам... почему бы нам не разделить ее и сейчас? В последний раз. Чтобы каждый из нас понял, что он теряет. Или что приобретает».

Я в ужасе посмотрела на него. Что он несет? Захар тоже поднял на него удивленный, почти возмущенный взгляд.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1

Поезд, скрипя и постанывая, словно старый, усталый дракон, вползал на станцию Углегорск.

За мутным, исцарапанным стеклом вагона мелькали однообразные пейзажи – серые, припорошенные угольной пылью дома, ржавые заборы, редкие, чахлые деревца, из последних сил цепляющиеся за жизнь на этой суровой земле. А над всем этим, словно молчаливые, грозные стражи, возвышались они – терриконы.

Огромные, рукотворные горы из пустой породы, черные, как сама ночь, они казались символом этого края, его тяжелого дыхания, его невидимых слез.

Я прижалась лбом к холодному стеклу, чувствуя, как легкая дрожь пробегает по телу. Углегорск. Конец географии. Или начало чего-то нового?

Я, Аврора Светлова, которую друзья и тренеры привыкли звать Рори, профессиональная биатлонистка, мастер спорта, еще недавно блиставшая на международных соревнованиях, теперь оказалась здесь, в этом затерянном среди уральских предгорий шахтерском городке.

Не по своей воле, конечно. Проклятая травма колена, полученная на последнем этапе Кубка мира, перечеркнула все мои планы, все мои надежды на олимпийское золото. Вердикт врачей был неумолим: длительная реабилитация, ника-

ких серьезных нагрузок как минимум год. А потом... потом будет видно.

Мой тренер, человек старой закалки, не привыкший сдаваться, нашел этот вариант – Углегорск. Здесь, оказывается, была неплохая спортивная база, построенная еще в советские времена для подготовки лыжников, с уникальным рельефом, идеально подходящим для восстановительных тренировок.

И местная спортшкола отчаянно нуждалась в тренере по биатлону. Так я и оказалась здесь – с одним чемоданом, полным спортивной формы и обезболивающих, и с сердцем, разбитым на миллион осколков.

Поезд остановился, выдохнув облако пара. Я вышла на перрон, ежась от пронизывающего ветра, пахнувшего угольной пылью и чем-то еще, горьковато-смолистым, наверное, дымом из печных труб. Меня никто не встречал. Тренер спортшколы, с которым я созванивалась, должен был приехать позже.

Я огляделась. Небольшое, обшарпанное здание вокзала, несколько таксистов, лениво курящих у входа, да пара местных жителей, спешащих по своим делам. Городок казался серым, унылым, словно выцветшая фотография.

С трудом дотащив свой тяжеленный чемодан до стоянки такси, я назвала водителю, пожилому мужчине с лицом, изрезанным морщинами, как шахтерский забой, адрес, который мне дал тренер. Маленькая, покосившаяся избушка на

окраине города, которую я сняла на первое время.

«К Светлане Петровне, что ль?» – хмыкнул таксист, трогаясь с места. – «Знаем такую. Спортсменка, говорят, к нам пожаловала. Чудеса, да и только».

Дорога была недолгой, но успела повергнуть меня в еще большее уныние. Однотипные пятиэтажки с облупившейся краской, редкие магазины с выцветшими вывесками, почерневшие от угольной пыли заборы. И повсюду – эти терриконы, нависающие над городом, как грозные напоминания о том, чем живет этот край.

Моя новая «квартира» оказалась половиной старого деревянного дома, с отдельным входом и маленьким, заросшим бурьяном двориком. Хозяйка, словоохотливая старушка, встретила меня у калитки.

«Аврора, значит? Имя-то какое, царское! А я баба Света. Проходите, не стесняйтесь. У меня тут, конечно, не хоромы царские, но тепло, чисто. Печку вот с утра протопила, картошечки сварила. Угощайтесь, с дороги-то, поди, проголодались».

Внутри было действительно тепло, пахло сушеными травами и чем-то уютным, домашним. Небольшая кухонька с русской печью, крошечная комнатка с железной кроватью, застеленной лоскутным одеялом, и стареньким комодом. Удобства, как и следовало ожидать, во дворе.

Но после месяцев скитаний по гостиницам и спортивным базам, этот скромный уголок показался мне почти раем. По

крайней мере, здесь я была одна, предоставлена самой себе.

Разложив вещи, я решила немного прогуляться, осмотреться. Городок был небольшим, его можно было обойти пешком за пару часов. Центральная площадь с неизменным памятником Ленину, здание администрации, почерневшее от времени, Дом Культуры с афишей, анонсирующей танцы по субботам, да несколько магазинов.

Люди встречались немногословные, суровые, с обветренными лицами и усталыми глазами. Мужчины, в основном, в рабочих спецовках или потертых куртках, женщины – в практичных, темных одеждах. И почти у всех – этот особый, чуть с хрипотцой голос, видимо, от угольной пыли, которая здесь, казалось, пропитала все вокруг.

Я чувствовала себя здесь чужой, белой вороной. Моя яркая спортивная куртка, дорогие кроссовки, даже моя привычка держать спину прямо – все это выделяло меня из толпы, привлекало любопытные, а иногда и недружелюбные взгляды. Одиночество, которое я так ценила в последнее время, здесь ощущалось особенно остро.

Ближе к вечеру я забрела в редкий в городе продуктовый магазин, чтобы купить что-нибудь на ужин. Очередь была небольшой, в основном женщины с авоськами. Я стояла, разглядывая скудный ассортимент на полках, когда почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Я обернулась.

Мужчина, стоявший позади меня, был огромным, как медведь. Широкие плечи едва помещались в проеме между

стеллажами, мощные руки, покрытые темными волосами и шрамами, сжимали корзинку с хлебом и кефиром.

Лицо у него было грубоватым, обветренным, с выступающими скулами и упрямым подбородком, но глаза... Светлые, почти серые, они смотрели на меня с каким-то странным, изучающим выражением, в котором не было ни враждебности, ни похоти, а скорее... удивление и какая-то затаенная печаль. Он был одет в простую рабочую куртку, пропахшую потом и чем-то незнакомым, терпким – наверное, запахом шахты.

Я смутилась под его взглядом и поспешно отвернулась, чувствуя, как краска заливает щеки. Кто это? Почему он так смотрит? Когда подошла моя очередь, я быстро расплатилась и почти выбежала из магазина, ощущая на спине его тяжелый, провожающий взгляд.

Уже у самой калитки своего дома я снова его увидела. Он стоял на противоположной стороне улицы, прислонившись к забору, и курил, глядя в мою сторону. Я ускорила шаг, почти вбежала во двор и захлопнула за собой калитку, сердце колотилось как сумасшедшее. Что ему нужно? Это было странно и немного пугающе.

Вечером, когда я сидела на своей скрипучей кровати, пытаясь читать, в дверь постучали. Я вздрогнула. Кто это мог быть? Баба Света уже давно спала. Я осторожно подошла к двери.

«Кто там?»

«Это я, соседка, Захар», – раздался знакомый хрипловатый голос. – «Тут... воды у вас, говорят, нет в колонке. Я принес немного. И дров наколол, а то ночи холодные обещают».

Я нерешительно открыла дверь. На пороге стоял тот самый «медведь» из магазина. В одной руке он держал два больших ведра с водой, в другой – охапку аккуратно наколотых поленьев.

«Захар Игнатьевич Булыгин», – представился он, чуть смущенно улыбнувшись. И эта улыбка совершенно преобразила его суровое лицо, сделав его почти детским, беззащитным. – «Живу тут, через два дома. Баба Света попросила приглядеть за вами, помочь, если что».

«Аврора. Рори», – пролепетала я, все еще не веря своим глазам. – «Спасибо вам большое, Захар Игнатьевич. Я... я не знала, что с водой проблемы».

«Да тут это часто бывает», – махнул он рукой. – «Вы располагайтесь, а я воду в сени поставлю, и дрова у печки сложу. Если что понадобится – не стесняйтесь, зовите. Я всегда дома по вечерам, после смены».

Он быстро и ловко занес воду и дрова, потом, еще раз смущенно улыбнувшись, попрощался и ушел. Я осталась стоять посреди комнаты, совершенно ошарашенная. Этот огромный, суровый на вид мужчина, который так напугал меня в магазине, оказался таким... добрым и заботливым. И его глаза... в них больше не было той затаенной печали, а све-

тилась какая-то теплая, почти отцовская нежность.

На следующий день я впервые пошла на тренировку в местную спортшколу. Это было небольшое, но вполне приличное здание, с лыжероллерной трассой и стрельбищем.

Меня встретил директор, пожилой, суетливый мужчина, который долго рассыпался в комплиментах моему «спортивному прошлому» и сокрушался по поводу моей травмы. Он познакомил меня с немногочисленными воспитанниками – десятком мальчишек и девчонок разного возраста, которые смотрели на меня с восторгом и благоговением, как на олимпийскую богиню.

После тренировки, уставшая, но довольная, я зашла в единственный приличный в городе продуктовый супермаркет, чтобы купить что-нибудь перекусить. На кассе я столкнулась с ним. Игнат Ветров. Я сразу его узнала – он был местной знаменитостью, звездой всех деревенских дискотек, о котором мне уже успела рассказать баба Света.

Высокий, стройный, с модной стрижкой и обаятельной, чуть нахальной улыбкой. Он был одет в дорогую кожаную куртку и джинсы, которые так не вязались с общей серостью Углегорска.

«О! Какие люди в нашем Голливуде!» – воскликнул он, его карие глаза с хитрецей пробежались по моей фигуре. – «Аврора, если не ошибаюсь? Наслышан, наслышан. Весь город гудит о вашем приезде. Позвольте представиться – Игнат. Можно просто Фигаро. К вашим услугам, прекрасная

незнакомка».

Он говорил легко, непринужденно, его комплименты сыпались, как из рога изобилия. Я смутилась, но и невольно улыбнулась его напору. В нем было что-то от большого, игривого кота, который точно знает, чего хочет.

«Очень приятно, Игнат», – сказала я, стараясь говорить как можно суше.

«Взаимно, Аврора, взаимно! Слушайте, а не составить ли вам компанию? Я как раз собирался прогуляться, погода сегодня шепчет. Покажу вам наши местные красоты. У нас тут, знаете ли, не только терриконы, но и речка есть, и лес... А вечером можно и на танцы в ДК заглянуть. Я там сегодня за диджея. Обещаю, скучно не будет!»

Его предложение было таким неожиданным, таким... соблазнительным. Я уже давно не была на танцах, давно не чувствовала себя просто молодой женщиной, которой восхищаются, которой хотят понравиться. Но я помнила о своей травме, о режиме, о том, зачем я здесь.

«Спасибо, Игнат, но я, пожалуй, откажусь», – сказала я, стараясь придать голосу твердость. – «У меня тренировки, режим».

«Ну что ж, режим – это святое», – он ничуть не обиделся, его улыбка стала еще шире. – «Но если вдруг передумаете, мой телефончик у бабы Светы есть. Звоните в любое время дня и ночи. Для такой красавицы я всегда найду время».

Он подмигнул мне, оплатил свои покупки и, помахав ру-

кой, вышел из магазина, оставив после себя легкий аромат дорогого парфюма и ощущение какого-то непонятного, будоражащего праздника. Я смотрела ему вслед, и на моих губах играла легкая улыбка. Да, он был ловеласом, бабником, но таким обаятельным, таким... живым.

Третье знакомство произошло через несколько дней, в местной библиотеке. Я пришла туда в поисках какой-нибудь интересной книги, чтобы скрасить долгие вечера. Библиотека была маленькой, уютной, с высокими стеллажами, заставленными старыми, потрепанными томами. За столом в углу сидел мужчина и что-то сосредоточенно писал в толстой тетради. Я не сразу его заметила.

Он был невысок, худощав, с тонкими, интеллигентными чертами лица и копной темных, слегка выующихся волос, которые он то и дело откидывал со лба нетерпеливым жестом. Одет он был просто, но аккуратно – в темный свитер и джинсы. Когда я проходила мимо его стола, он поднял голову, и наши взгляды встретились.

Его глаза... Они были удивительными – очень темные, почти черные, с каким-то глубоким, пронзительным, почти гипнотическим выражением. В них читались ум, какая-то затаенная печаль и еще что-то, непонятное, притягивающее.

Я смутилась и быстро прошла к стеллажам. Выбрала какой-то детектив и уже собиралась уходить, когда он окликнул меня.

«Простите», – его голос был тихим, но с приятными бар-

хатными нотками. — «Вы, кажется, Аврора Светлова? Я видел вас на стадионе. Вы очень... целеустремленно тренируетесь».

«Да, это я», — кивнула я, удивляясь, откуда он меня знает.

«Тимур Хакимов», — представился он, слегка улыбнувшись. Улыбка преобразила его лицо, сделав его моложе и как-то мягче. — «Я здесь работаю горным инженером на шахте. А в свободное время... увлекаюсь философией. И немного фотографией».

Мы разговорились. Оказалось, что Тимур — человек удивительно эрудированный, с широким кругозором и нестандартным мышлением. Он говорил о книгах, о музыке, о смысле жизни с такой страстью, с таким увлечением, что я слушала его, затаив дыхание. Он не задавал мне банальных вопросов о спорте или о моей травме. Он говорил со мной так, словно мы были старыми друзьями, обсуждающими что-то очень важное, сокровенное.

Когда я уходила, он сказал:

«Знаете, Аврора, здесь, в окрестностях Углегорска, есть удивительные места. Заброшенные штольни, старые часовни, озера с кристально чистой водой. Если хотите, я мог бы вам их показать. Там... там совсем другая атмосфера. Там можно думать о вечном».

Его предложение было таким же неожиданным, как и он сам. И я почему-то сразу согласилась. В нем не было ни грамма пошлости или намека на флирт. Только искренний инте-

рес и какое-то непонятное, почти мистическое притяжение.

Вечером, лежа в своей кровати, я думала об этих трех мужчинах. Захар Булыгин – сильный, надежный, немногословный «медведь» с добрыми глазами и такой неожиданной нежностью в загрубевших руках. Игнат Ветров – обаятельный, искрометный «Фигаро», обещающий праздник и легкое безумие. И Тимур Хакимов – загадочный, умный «философ» с пронзительным взглядом и душой поэта.

Три таких разных мира. Три таких разных типа мужской харизмы. И все они почему-то обратили на меня свое внимание. Я, Аврора Светлова, спортсменка, приехавшая в этот забытый богом шахтерский городок залечивать свои раны – и физические, и душевные.

Что это? Случайность? Игра судьбы? Или начало чего-то нового, неизведанного, пугающего и... невероятно волнующего? Я не знала. Но я чувствовала, как мое тело, привыкшее к изнурительным тренировкам и строгой дисциплине, откликается на это мужское внимание, на эти взгляды, на эти случайные прикосновения. Как в нем просыпается что-то давно забытое, подавленное – простое женское желание. Желание быть любимой, желанной, защищенной.

Терриконы за окном молчаливо взирали на меня своими черными, бездонными глазами.

Углегорск. Город, который обещал стать моим испытанием. Или моим спасением. А может быть, и тем, и другим одновременно. Я закрыла глаза, и передо мной снова возникли

их лица – Захара, Игната, Тимура. И я поняла, что мой тихий, уединенный год реабилитации обещает быть совсем не таким, каким я его себе представляла. Намного сложнее. И, возможно, намного интереснее.

Глава 2

Дни в Углегорске потекли своей чередой, размеренные и суровые, как сама эта земля. Я с головой ушла в тренировки, пытаюсь забыть о боли в колене и о той пустоте, что поселилась в душе после крушения олимпийских надежд.

Лыжероллерная трасса, петляющая среди пологих холмов и перелесков, стала моим вторым домом. Здесь, наедине с ветром, скоростью и собственным дыханием, я чувствовала себя почти счастливой. А вечером, возвращаясь в свою маленькую каморку, я валилась на кровать без сил, и даже навязчивые мысли о будущем отступали под натиском физической усталости.

Захар Игнатьевич Булыгин... Этот огромный, немногословный мужчина с глазами цвета уральских самоцветов, то серыми, как дымка над терриконами, то голубыми, как весеннее небо, неожиданно стал неотъемлемой частью моей новой жизни. Он не навязывался, не лез с расспросами, но его присутствие ощущалось постоянно – как невидимая, но надежная опора.

То он «случайно» оказывался рядом, когда у меня ломалась лыжная палка на трассе, и молча, деловито чинил ее своими загрубевшими, но удивительно ловкими руками. То приносил мне банку парного молока от своей коровы Зорьки, которую держала его старенькая матушка на окраине го-

рода, или баночку душистого лесного меда, который он сам собирал на своей пасеке.

«Тебе, спортсменке, полезно будет, для сил», – бурчал он, смущенно отводя взгляд, и его суровое, обветренное лицо на мгновение озарялось такой теплой, почти детской улыбкой, что у меня на сердце становилось легко и спокойно.

Однажды, когда я возвращалась с тренировки, промокшая до нитки под ледяным осенним дождем, он поджидал меня у калитки.

«Вот, Рори, возьми», – протянул он мне старую, но чистую и теплую телогрейку. – «А то продрогнешь, заболеешь еще. Я тут тебе и баньку истопил у себя. Сходи, попарься, косточки прогреешь. У меня там и веничек березовый припасен, и чай на травах. От всех хворей первое средство».

Я растерялась. Баня... Я так давно не была в настоящей русской бане! Но идти к нему домой, к незнакомому, в общем-то, мужчине...

Он словно прочитал мои мысли. «Ты не бойся, Рори. Я не обижу. Дочка моя, Дашка, дома будет. Она тебя и проводит, и все покажет. А я... я пока дров еще подкину, чтобы жарче было».

И я согласилась. Его дом оказался таким же, как и он сам – большим, крепким, немногословным, но очень уютным. Бревенчатые стены, пахнущие смолой, русская печь, жарко пышущая теплом, домотканые половики на полу.

И Дашка, его дочка, – худенькая, веснушчатая девчушка

лет тринадцати, с такими же, как у отца, светлыми, серьезными глазами. Она встретила меня с каким-то застенчивым восторгом, засыпала вопросами о биатлоне, о моих медалях, о зарубежных поездках.

Баня была просто сказочной. Густой, душистый пар, обжигающий жар, запах распаренных березовых листьев. Захар умело орудовал веником, его сильные руки без устали хлестали меня по спине, по ногам, по рукам, выбивая из тела всю усталость, всю хворь, всю накопившуюся тоску.

Я постанывала от удовольствия, чувствуя, как расслабляется каждая мышца, как уходит напряжение. Потом он облил меня ледяной водой из колодца, и я взвизгнула, но это было такое приятное, такое бодрящее ощущение!

После бани мы пили чай в его небольшой, чистой кухне. Чай был настоян на каких-то лесных травах, с медом и домашним малиновым вареньем. Дашка сидела рядом, не сводя с меня восхищенных глаз, а Захар молча курил у окна, иногда вставляя в наш разговор короткие, веские замечания.

В тот вечер я впервые почувствовала себя здесь, в Угледорске, не такой одинокой. Я увидела другую сторону этого сурового шахтерского быта – простоту, душевность, какую-то первозданную чистоту человеческих отношений. И я поняла, что Захар Булыгин – не просто «медведь», а человек с большим, добрым сердцем, скрытым под маской внешней суровости.

Наши отношения развивались медленно, неторопливо,

как лесная речка. Он по-прежнему помогал мне, заботился обо мне, но никогда не переходил ту невидимую грань, которая отделяет дружбу от чего-то большего.

Я привыкла к его присутствию, к его молчаливой поддержке. Иногда мы часами гуляли по окрестным лесам, он показывал мне грибные места, ягодные поляны, рассказывал о повадках лесных зверей. Или мы просто сидели на крыльце его дома, пили чай и молчали, глядя на закат, окрашивающий терриконы в багровые тона.

Я знала, что он вдовец. Его жена умерла несколько лет назад от тяжелой болезни, оставив его одного с маленькой Дашкой. Он редко говорил о ней, но я видела, какая глубокая рана осталась в его сердце. И я понимала, что ему, так же как и мне, не хватает простого человеческого тепла, участия, понимания.

Однажды, после особенно тяжелой тренировки, когда мое травмированное колено разболелось так, что я едва могла идти, он встретил меня у спортшколы.

«Что, Рори, опять нога?» – спросил он участливо, его глаза потемнели от сочувствия. – «А ну-ка, давай я тебя до дому провожу. И мазь у меня есть хорошая, на травах, матушка моя делает. От всех суставных болей помогает».

Он почти на руках донес меня до моей каморки, усадил на кровать. Потом принес тазик с горячей водой, чтобы я распарила ногу, и баночку с темной, пахучей мазью. Он сам, очень осторожно, почти благоговейно, начал втирать мазь в

мое больное колено.

Его большие, загрубевшие пальцы двигались так нежно, так ласково, что я почувствовала, как по моему телу разливается приятное тепло. Я смотрела на его склоненную голову, на его широкие, сильные плечи, и внезапно ощутила такой прилив нежности, такой благодарности к этому простому, доброму человеку, что у меня перехватило дыхание.

Когда он закончил, я взяла его руку и прижалась к ней щекой. Его ладонь была шершавой, пахла травами и чем-то еще, неуловимо мужским. Он замер, потом осторожно высвободил свою руку и неловко погладил меня по волосам.

«Ну вот, Рори, теперь полегче будет», – сказал он тихо. – «Ты лежи, отдыхай. А я пойду, ужин тебе какой-никакой соображу. А то ты, поди, голодная».

Он ушел на кухню, а я осталась лежать на кровати, чувствуя, как мое сердце бьется чаще обычного. Что это со мной? Неужели я... влюбляюсь? В этого простого, неотесанного шахтера, который годится мне в отцы? Это было так неожиданно, так... неправильно. Но и так сладко.

Он принес мне тарелку горячей картошки с грибами и стакан молока. Мы ужинали молча, сидя рядом на моей узкой кровати. За окном уже сгустились сумерки, в комнате было тихо, только тикали старенькие ходики на стене да потрескивали дрова в печке, которую он успел растопить.

После ужина он не уходил. Сидел рядом, о чем-то думал, глядя на огонь в печи. Я чувствовала его тепло, его сильное,

надежное плечо рядом. И мне было так хорошо, так спокойно, как не было уже очень давно.

В какой-то момент я, сама того не ожидая, положила голову ему на плечо. Он вздрогнул, но не отстранился. Только его рука осторожно легла мне на талию, прижав чуть ближе. Мы сидели так долго, молча, слушая тишину и биение наших сердец.

Потом он повернул ко мне лицо. Его глаза в полумраке казались огромными, темными, полными какой-то непонятной тоски и нежности. Он медленно наклонился и поцеловал меня.

Его губы были сухими, чуть шершавыми, но поцелуй был таким трепетным, таким осторожным, словно он боялся меня спугнуть, словно не верил своему счастью. Я ответила ему – сначала неуверенно, потом все смелее, мои руки обвились вокруг его могучей шеи, пальцы зарылись в его жесткие, коротко стриженные волосы.

Поцелуй становился все глубже, все настойчивее. Я чувствовала, как его тело напрягается, как его дыхание становится прерывистым. Он оторвался от моих губ, его лицо было совсем близко, я видела каждую морщинку, каждую ресничку.

«Рори... девочка моя...» – прошептал он, его голос дрожал. – «Я... я не должен... Ты такая молодая, такая... чистая... А я...»

«Молчи, Захар», – я приложила палец к его губам. – «Ни-

чего не говори. Пожалуйста».

И я сама поцеловала его – страстно, отчаянно, вкладывая в этот поцелуй всю свою накопившуюся нежность, всю свою тоску по любви, по простому человеческому теплу.

Он подхватил меня на руки, как перышко, и уложил на кровать, накрыв своим сильным, горячим телом. Его руки начали медленно, благоговейно исследовать мое тело, словно он прикасался к чему-то священному. Он расстегнул пуговицы на моей старенькой байковой пижаме, целуя каждый открывающийся сантиметр моей кожи. Его губы были нежными, но настойчивыми, они зажигали во мне огонь, который я так долго пыталась подавить.

Я помогала ему, мои пальцы дрожали, когда я расстегивала пуговицы на его грубой шахтерской рубаше, обнажая его широкую, мускулистую грудь, покрытую темными волосами. Я прижалась к нему, чувствуя, как его сердце бешено колотится в унисон с моим.

Он целовал мою грудь, мои плечи, мой живот, спускаясь все ниже. Его прикосновения были такими нежными, такими ласковыми, что я таяла в его объятиях, как снежинка на теплой ладони. Я стонала, извивалась под ним, мое тело горело от желания.

Когда он наконец вошел в меня, я вскрикнула – от легкой боли, смешанной с острым, почти невыносимым наслаждением. Он был большим, сильным, но двигался во мне медленно, осторожно, давая мне привыкнуть, прислушиваясь к

каждому моему вздоху, к каждому стону.

Это была не та быстрая, яростная страсть, которую я знала по редким, мимолетным связям в своей прошлой, спортивной жизни. Это было что-то другое – глубокое, неспешное, почти медитативное слияние двух тел, двух душ, ищущих утешения и тепла друг в друге. Я смотрела в его глаза, и видела в них не только похоть, но и какую-то бездонную нежность, любовь, преданность. И я отвечала ему тем же – всем своим телом, всей своей душой.

Оргазм пришел тихо, плавно, как полноводная река, достигающая своего устья. Он накрыл нас обоих одновременно, заставив замереть в последнем, сладком объятии, и потом еще долго лежать так, прижавшись друг к другу, слушая, как утихает буря в наших сердцах.

Потом он долго гладил мои волосы, целовал мои виски, шептал какие-то нежные, бессвязные слова. А я плакала – от счастья, от облегчения, от того, что наконец-то нашла эту тихую, надежную гавань для своей измученной души.

«Спи, Рори, спи, моя хорошая», – прошептал он, укрывая меня одеялом. – «Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо».

И я заснула – впервые за долгое время спокойным, глубоким сном, чувствуя себя защищенной, любимой, нужной. В объятиях этого простого, сурового шахтера, который оказался таким нежным, таким заботливым, таким... моим.

Но что это было для меня? Настоящая любовь? Или про-

сто мимолетное утешение, благодарность за его доброту, за его тепло? Я не знала. И боялась даже думать об этом. Я просто наслаждалась этим неожиданным, хрупким счастьем, которое подарила мне эта суровая, неприветливая земля Угледорска. И этот удивительный человек с глазами цвета уральских самоцветов. Мой Медведь. Мой Захар.

Глава 3

После ночи с Захаром моя жизнь в Углегорске словно обрела новые, теплые краски. Суро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.